

в уме («Я мыслю, следовательно, существую»), а встречаясь с ним в потоке жизни, в который «Я» вовлечено, сталкиваясь со стоящими перед ним проблемами («Я переживаю, следовательно, существую»).

В 20 в. аналогичную позицию занимал русский философ Лев Шестов, который, подобно Кьеркегору, признавал и отстаивал только личную истину единственно совместимую, по его мнению, со свободой, от-вергающей всеобщее общезначимое.

При жизни Кьеркегора его идеи не получили признания и не вызвали сколько-нибудь значительного интереса за пределами Дании. Они казались слишком парадоксальными, слишком личными. Философия Кьеркегора стала привлекать внимание позже. Это, однако, не означает, что его идеи не были своевременными, что проблемы, над которыми он мучительно размышлял, не являлись актуальными. Напротив, Кьеркегор является одним из первых мыслителей, осуществивших фундаментальный поворот в европейской философии.

Этот поворот состоял в том, что тема человеческой личности и ее судьбы заслонила все остальные темы, выдвинулась на первый план. Центральной проблемой стала проблема человеческой субъективности. Кьеркегор не просто создает определенную концепцию человека, человек становится для него сложнейшей проблемой, а его существование, или экзистенция, - загадкой и тайной. Философ пытается раскрыть эту тайну исключительно внутренними средствами, стараясь найти разгадку своего бытия в своей собственной душе.

Философы и до Кьеркегора пытались объяснить феномен человека. Но во-первых, они считали это возможным исходя из того, что человек есть часть социума и мира, что понять его можно, только отталкиваясь от знания целого, т.е. мира и его закономерностей. Датский мыслитель рассматривает человека изолированно от мира и общества и пытается понять его путем погружения внутрь самого себя как конкретное, уникальное существование.

Прежние философы считали наиболее надежным способом познания человека рациональный метод науки, поскольку полагали, что человек подчинен всеобщим законам, доступным рациональному познанию. Кьеркегор исключает подобную возможность. Никакие научные рациональные методы, согласно Кьеркегору, не годятся для познания человека, для проникновения в его самость. Это возможно только посредством рефлексии и чувства.

Таким образом, человек и его экзистенция становятся для Кьеркегора предметом особого типа познания. Человек выходит за пределы науки как абсолютно недоступное ей существо. Для объективно-научного подхода доступны только внешние и внутренние проявления, но не непосредственная жизнь, экзистенция.

Западной философии можно выдвинуть обвинение, что она через чур элитарна. «С Платона мания величия становится самой распространенной профессиональной болезнью философов», – пишет Поппер [7, с.11]. Есть точка зрения, что «философы суть люди особого сорта, а философию следует считать их особым делом» [7, с.9]. «Я представляю себе философию совершенно иначе, полагая, что все люди являются философами, хотя некоторые в большей степени, чем другие» [7, с.10]. Поппер пишет, что он решительный противник теории «о существовании интеллектуальной и философской элиты» [7, с.10].

Тем не менее западная философия элитарна, хотя в переломные моменты своей истории и обращается к проблемам конкретного человека. Прорыв же совершенный Кьеркегором, считавшим, что личные переживания человека не менее важны, чем мировые, глобальные проблемы, был поддержан уже в 20 веке и, в частности, экзистенциалистами.

Идеи Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора уже в конце 19 - 20 веке оказали огромное влияние на философскую и богословскую мысль многих стран Европы, а одно из влиятельнейших философских направлений 20 в. - экзистенциализм - выросло на духовной почве, окультуренной датским мыслителем Кьеркегором.

Источники и литература

1. Монтень М. Опыты. - Т.2. – М.: Голос, 1992.
2. Монтень М. Опыты. – Т.3. – М.: Голос, 1992.
3. Монтень М. Опыты. – Т.1. – М.: Голос, 1992.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.3. – СПб.: Наука, 1999.
5. Чаньшев А.А. Человек и мир в философии Артура Шопенгауэра //Шопенгауэр А. Соч. в 5 т. – Т.1. – М., 1992.
6. Серен Кьеркегор сам о себе в изложении Петера П. Роде. – Челябинск. 1998.
7. Поппер К. Все люди – философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

Рыскельдиева Л.Т.

СКЕПТИЧЕСКАЯ «ТЕРАПИЯ» СЕКСТА ЭМПИРИКА

Общим местом для большого числа критически настроенных философских текстов является указание на опасность скептицизма, к которому могут привести неверные взгляды. При этом критика зачастую основана на обыденном понимании слова «скептический». Вместе с тем скептицизм – сложное философское явление, требующее от своих критиков серьезной аргументации, и прежде чем пугать им читателя, полезно обратиться к истокам, к классическим текстам скептической философии. В результате можно задать себе следующие вопросы: кого следует называть скептиком? Если в философии есть скепсис, какое место ему отводится? Каков смысл скептицизма в целом и кто такой философ-скептик?

Скептицизм в узком смысле как философская школа, как продолжающаяся во времени традиция начинается с Пиррона Элидского и заканчивается Секстом Эмпириком, охватывая промежуток с 3 в. до н.э. по 3

в. н.э. и имея значительное влияние в Академии. Однако в систематическом виде тексты скептиков дошли до нас только из-под пера Секста Эмпирика – на них мы и будем ссылаться [1, 2].

Представители скептической традиции именovali себя скептиками (от *skeptikos* – «ищущий») и противопоставляли себя догматикам. Это противопоставление существовало: «догматик» для них – тот, кто претендует на знание, истину, учительствование и морализаторство. К ним примыкают те, кто уверенно отрицает возможность знания и истины, себя же скептики считали «ищущими», деятельными и не претендующими на истину, полагая, что таким образом их критика других дополнится самокритикой.

От скептиков как самоназвания представителей философской школы следует отличать скептиков по интеллектуальному стилю, умонастроению и отношению к жизни. Такой скептицизм в широком смысле, как отмечает А.Ф.Лосев, в той или иной форме «никогда не умирал в античном мире, всегда был ферментом бурного развития античной мысли...» [142, с.5]. Причем, дух скептицизма никоим образом не мешал построению великих философских систем: «...греки умели поразительным образом совмещать свой абсолютизм со своим скептицизмом...» [142, с.19].

Общая картина скептицизма как школы античной философии не может обойтись без терминов «критика» и «анализ» - философию скептицизма можно назвать критической и аналитической. Критической её делает последовательный антидогматизм, а аналитической – анализ как главный путь решения философских проблем. Догмой Секст называет не всякое принятие какого-либо положение (утверждение), а «принятие какого-либо положения из неочевидного и составляющего предмет научных изысканий» (Пирроновы положения, I.14). «Выставляющий догму полагает, что вещь...действительно существует... (там же). Критерием скептического способа рассуждений следует считать явление, а вывод о том, что являющееся таково «на самом деле, каким кажется», (Пирр.I.22) следует считать сомнительным.

Под догматиками в текстах Секста чаще других фигурируют стоики, в этом смысле его скептицизм можно назвать антистоицизмом и по духу, и по букве, причем, наиболее скептически яркую критику стоики получили за своё морализаторство, менторство, учительство и надменность: «...догматики, как кажется, напрасно так важно насупливают брови, [говоря] о названной ими этической части так называемой философии...» (Пирр.III.278). Сексту претит сама идея возможности философа быть учителем, наставником, мудрецом, сама претензия философии на просветительство и улучшение нравов. Поэтому скептическому анализу подвергаются как возможность учить и учиться жизни, так о понятия «учитель», «ученик», «изучение» и «изучаемое» (Пирр.III.253-273). Если философии научить нельзя и в философии скептик не видит обоснованной и целостной системы знаний, то что представляет собой скептицизм с точки зрения скептика?

Ответ на этот вопрос связан с тем, что скептицизм можно считать разновидностью аналитической философии. Самоназванием скептицизма следует считать «скеписис» как способ рассуждения, как деятельность, реализующую некую человеческую способность различать явления (феномены) и мыслимое (ноумены) (Пирр.I.8). Скептик, несомненно, причастен этой способности. Скептицизм в этом смысле можно считать самодисциплиной, направленной на наиболее правильное (корректное) применение этой способности. «Правильное» здесь означает формирование такого мировоззрения, которое, не будучи основанным на метафизических сущностях, будет «способом рассуждения, следующим какому-нибудь положению в соответствии только с явлением...» (Пирр.III.17). Только такое мировоззрение может указать нам, «как, по видимому, следует правильно жить» (там же), то есть «жить по завету отцов, по законам и указаниям других людей и по собственному чувству» (там же).

Указывая на подобную способность, скептики, на наш взгляд, если не «важно насупливают брови», то уж точно задирают нос, ибо утверждают, что до скеписиса как до «искания того, что в вещах истинно и что ложно», дошли лишь «богато одаренные от природы люди» (Пирр.I.12). (Типичное для представителей аналитической философии ощущение собственного отличия от других, высокомерие.) Таким образом, скептическая традиция осознаёт свою автономность и не ссылается на авторитеты, ощущая внутренне родство особых от природы людей, каждый из которых реализовал уникальную скептическую способность.

Скеписис-анализ как реализация особой способности демонстрируется скептиками, прежде всего, в процедуре отрицания, которое, впрочем, не является здесь самоцелью. «Логический анализ», «критика», «скеписис» - это синонимы, обозначающие умение так сочетать утверждение с отрицанием, чтобы это сочетание не стало ни утверждением отрицания, ни отрицанием утверждения. «Итак, остаётся предположить, что наиболее родовое понятие одновременно и истинно, и ложно или что оно одновременно не истинно и не ложно. А это хуже предположенного раньше, потому что из этого воспоследует, что взятое порознь будет одновременно истинно и ложно или не истинно и не ложно, что бессмысленно» (Против ученых, УШ.36).

Демонстрация бессмыслицы здесь тоже не цель, а лишь момент на пути к истинной цели скеписиса – «изостении» или «равносильности». Скептики не ищут эпатажа нонсенсом - кстати говоря, Пиррон, отец-основатель скептицизма, заслужил почёт со стороны сограждан, которые выбрали его верховным жрецом в родной Элиде (Диоген, IX.64). Они, пожалуй, с сожалением констатируют, что осмысленные и противоречивые положения, которые «борются друг с другом» равны или равносильны (между собой) как в отношении достоверности, так и в отношении недостоверности (Пирр.I.10). Поэтому «ни одно из борющихся положений не стоит выше другого как более достоверное» (там же). Равносилие-изостения противоборствующих положений как результатов принятия того или иного «положения дел» демонстрируется скептиками в виде «тропов», которые можно понять как «оборот мысли», «аргумент», «схема рассуждений», «путь». Секст, поясняя значение термина «троп», говорит, что его можно называть «рассуждением» (*logos*) и «местом» (*topos*) (Пирр.I.36), то есть тропы для него – это такие «логотопы», которые задают определённую «топологию» мысли, где мысль может быть в состоянии «изостении». (Честь формулировки тропов принадлежит Энесидему (1 в. до н.э.), он произвёл систематизацию пирронизма и продемонстрировал основные способы критики возможности получения истинного знания.)

Смысл всех десяти тропов может быть понятен на основании десятого, этот троп «относительно чего» («pros ti») Секст считает самым общим. Топология «pros ti» демонстрирует невозможность достижения окончательного знания природы многообразных вещей и полную корректность релятивизма как способа осознания механизма получения знаний. На основании тропа «относительности» «...мы заключаем, что раз всё существует по отношению к чему-либо, то мы удержимся говорить, каково оно обособленное и по своей природе» (Пирр. I.135). Процесс познания неостановим, само познание не может «успокоиться», достигнув своей цели, ибо вынуждено признать её относительность, то есть увидеть в ней результат самоограничения. Граница же возникает сама собой на стыке утверждения и отрицания, ибо всякому утверждению чего-либо можно противопоставить утверждение противоположного. Скептик, таким образом, - человек, никогда об этом не забывающий, но, что самое главное, не делающий из этого никаких выводов. Скептик не в состоянии разрешить противоречие, возникшее вследствие «изостения», не берется он осмыслять и сам факт «равносильности» суждений, дальше констатации «равносильного противоречия» его суждения не простираются.

Секст Эмпирик даёт развернутую экспликацию скептической изостении в трёх общепринятых в его время разделах философского знания: логике, физике и этике. Таким образом, своеобразным «объектом» скепсиса можно считать полноту философского дискурса, складывающегося в осмысленное целое. Такая полнота в эпоху Секста была представлена, прежде всего, стойками, как известно, уподоблявшими цельность философии яйцу, в котором этика подобна желтку, физика – белку, а логика – скорлупе. Пользуясь проверенными скептическими ходами мысли, Секст последовательно доказывает невозможность утверждения каких-либо истин во всех трех традиционных сферах философской мысли, невозможность никакого удовлетворительного ответа ни на вопросы о том, что есть мышление, что есть истина, в чем её критерий, ни на вопросы о причине и начале мира, о боге, ни на вопросы о добре и зле, о том, как следует жить. Критическую, разрушительную часть скептических текстов можно назвать впечатляющей. «Нагромождение» никуда не ведущих рассуждений, постоянный тупик, в который приходит мысль читателя, добросовестно следующего за Секстом, бесплодность процесса познания, пользующегося проверенными и устоявшимися средствами, способны вызвать отчаяние или фрустрацию. Но у этой «страшной скептической истории» хороший конец, ибо цель скепсиса – не знание, не мудрость, не отвержение мира и не уход из него.

Пирронистский анализ трёх частей философии обнаружил неустрашимую рефлексивную двойственность скептической позиции. Демонстрируемая изостения всех критикуемых утверждений говорит о том, что скептик может с убедительностью быть как на стороне одного, так и на стороне противоположного, понимая в обоих случаях свою правоту. В тексте скептика всегда можно обнаружить двух скептиков: один – это обычный, естественный человек, усвоивший совокупность мнений и знаний своего времени и своей культуры, знающий и владеющий всей совокупностью её «антиципаций». Другой же пытается познать сами эти «антиципации», то есть сами основания культурного целого, «снабдившего» обычного человека совокупностью знаний и навыков, но делает это, конечно, с помощью тех же оснований. Если логику, физику и этику пронизывают базовые различия истина-ложь, бог-мир, благое-злое, то можно ли познать эти различия сами по себе? Конечно можно, ведь для скептика нет запретных тем, но если можно, то какими средствами, если все они основаны на самих этих различиях? Человека, который задает подобные вопросы, уже нельзя считать обычным, хотя и достаточно образованным, это и есть философ-метафизик, вступивший в скептический спор. Если первый ощущает и понимает (доказательства), то второй не ощущает то, *как* он ощущает, и не понимает, *как* он понимает. Если первый почитает богов и обычаи и понимает, что лошадь не может родиться от муравья, то второй может утверждать, что бога нет, как и нет никакой причины. Если первый видит, слышит, читает труды многих авторитетных мудрецов, то второй не может увидеть пользы и счастья от поучений о пользе и счастье. В результате этот скептик-спорщик сознательно отказывается от самой ситуации спора, от того неизбежного раздвоения человека, к которому ведет «так называемая философия». Поэтому цель и задачи скепсиса - *терапевтические* и лечит скептик как раз «от философии». «Эмпирическая медицина» как метод лечения без теоретизирования (Пирр. I.236), без домыслов, без рассуждений о здоровье и болезни, без «герменевтики» больного, медицина как помощь и соучастие – вот что близко скептику, который, «в силу любви к людям хочет по возможности исцелить рассуждениями гордыню и опрометчивость догматиков» (Пирр. III.280).

Кроме любви движущей силой скепсиса признается и надежда: «Мы утверждаем, что начало и причина скепсиса лежат в надежде на невозмутимость» (Пирр. I.12). Таким образом, будучи последовательным в своём скептицизме, пирронист ничего не берется утверждать и об истинной цели благой жизни – невозмутимости-атараксии, на её достижение он только надеется. Ведь нельзя утверждать возможность её методического, целенаправленного достижения в результате познания. Преграда на этом пути – изостения, равносильность суждений, которая естественно заставляет нас воздерживаться от суждений, поэтому теоретическая часть скептической философии имеет своей целью «эпохе» как воздержание от суждений. Цель практической части скептической философии появилась, как утверждает Секст, случайно и это было *счастливое событие*, удача, постигшая философа так же, как она может постичь художника: «Стало быть, то, что рассказывают о живописце Аппелесе, досталось и на долю скептика, а именно: говорят, что он, рисуя лошадей и пожелав изобразить на картине пену лошади, потерпел такую неудачу, что отказался от этого и бросил в картину губку, которой обыкновенно снимал с кисти краски; и губка, коснувшись лошади, воспроизвела [на картине] подобие пены. Так и скептики надеялись достичь невозмутимости путем суждения о несоответствии явления и мыслимого; не будучи в состоянии этого сделать, они воздержались. За воздержанием случайно последовала невозмутимость, как тень за телом» (Пирр. I.29). Таким образом, надежда может привести всякого ищущего (*skeptikos*) к достижению возможного идеала – в этом смысле поучающий мудрец ничем не отличается от другого «богато одаренного от природы» человека, которому достанет сил и храбрости критически оценить традицию. Скептицизм – очевидно нетрадиционная, анти-традиционная интеллек-

туальная терапия (как принято считать, имя «Эмпирик» было дано Сексту, вероятно, вследствие его увлечения медициной, которой, судя по всему, занимался его учитель, Геродот из Тарса) с оттенком демарша против поучений и морализаторства «старших». Несмотря на то, что, по замечанию Секста, почти все философы, объявлявшие себя обладателями истины, были стариками (Платон, Демокрит, Эпикур, Зенон – Против ученых, УП.321), «часто молодые являются более понимающими, чем старики, так и в философии молодые оказываются достигшими большего в сравнении со стариками» (там же, УП.322). Впрочем, такой демарш – не самоцель и скепсис пирронистов не только широкий, но и рефлексивно-последовательный, так как распространяется и на сам скептицизм. Поэтому задача систематической реконструкции скептицизма как философской школы невыполнима – её система или полнота всегда будет зависеть от того «догматизма», из критики которого вырастает скептицизм, в этом смысле, на догматизме паразитирующий. «Интеллектуальная терапия» скептиков имеет практически-этический характер, ибо такой громоздкий, монотонный скептический анализ предпринимается с одной целью – продемонстрировать бессмысленность и анализируемого, и самого анализа и вернуть познающего, пытающегося познать смысл мира и жизни человека, тот есть философа, в состояние обычного, обыденного, эмпирического, естественного индивида. Бессмысленность знания и мудрости для скептика – не повод ни для отчаяния, ни для эскапизма. Дойдя до апорийной, антиномичной, изостенической границы процесса познания, он предлагает его остановить, не «принимая близко к сердцу» познавательную бессмыслицу – если разрушен мир знания, теория, то мир чувств, явлений, «жизненный мир», мир живого человека ненарушим и дает необходимые жизненные ориентиры, не давая оснований для успокоения и бездеятельности: «Таким образом, придерживаясь явлений, мы живем в соответствии с жизненным наблюдением, не высказывая решительного мнения потому, что не можем быть всецело бездеятельными» (Пирр. I.23).

В литературе о скептицизме часто цитируется Диоген Лаэртский (IX.68), рассказывающий о поведении Пиррона во время бури на корабле: «...когда спутники его впали в уныние, он оставался спокоен и ободрял их, показывая на корабельного поросенка, который ел себе и ел, и говоря, что такой бестревожности и должен держаться мудрец». Равнодушие к философским проблемам как лучшее средство против метафизики и метафизического опыта, приходящего ко всякому, кто принимает философские проблемы «всерьез» – вот основа скептической терапии. Скептик – философ, которому «посчастливилось» остаться обычным человеком и не нести ответственность ни за мир, ни за своё знание, ни за нормативность, проблема которой неизбежно встает перед метафизиком. Он полагается на уже сущий мир, на мир явлений и живет по «заветам отцов, по законам и указаниям других людей и по собственному чувству». Поэтому базовые скептические выражения как совокупность лексических средств, демонстрирующих «скептическое расположение ума» (Пирр. I.187), которые можно расценить в качестве «скептических перформативов», по большей части, не являются высказываниями: «не более» (Пирр. I.187), «невывысказывание»- афазия (Пирр. I.192), «эпохе» («воздерживаюсь от суждения» - Пирр. I.196), «пожалуй» (I.194) и т.д. А если это и высказывание, то оно свидетельствует или представляет человека, который, на самом деле, не очень-то и хочет представляться или свидетельствовать о себе: «Я ничего не определяю» (I.197), «всё есть неопределённое» (I.198) и т.д.

Таким образом, скептицизм как «поиск», а скептик как «ищущий» движется «вниз по лестнице, ведущей вверх», а противоречивый предел познания, к которому ведет их поиск, есть стоп-сигнал для избавления и от скептических, разрушающих познание, средств: «Ведь есть много такого, что причиняет самому себе то же самое, что делает в отношении другого... И опять: как нет ничего невозможного в том, чтобы взойдя по лестнице на высокое место опрокинул ногою лестницу после восхождения, так не противоречит здравому смыслу и то, что скептик, достигнув завершения предстоявшего ему предприятия при посредстве рассуждения, доказывающего, что доказательство не существует, как бы при помощи некоей штурмовой лестницы потом устранил и самое это рассуждение» (Против ученых, УП.480-481). «Эпохе», излечивающее скептика от бесплодных интеллектуальных поисков, «возвращает», «спускает» его в обыденный мир, в «жизненный мир» нормального человека, который предпочёл самотождественность мучительной философской рефлексии.

Источники и литература

1. Секст Эмпирик. Против учёных. Книги УП – X // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.1. Общая редакция, вступительная статья и перевод с древнегреческого А.Ф.Лосева. – М.: Мысль, 1975. – 399с. Далее ссылки на Секста будут в тексте в круглых скобках, римские цифры обозначают книгу, арабские – фрагмент.
2. Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений. // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Мысль, 1976. – С.207–381.
3. Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т.1. – М.: Мысль, 1974. – С.5-61.

Сафонова Н.В.

МЕТАМОРФОЗЫ ПРИНЦИПА ТОЧНОСТИ В МАТЕМАТИКЕ

Всеобщий интерес к проблемам философии математики в настоящее время ослабел. Вероятно потому, что предметом оживленных дискуссий был кризис математики, просуществовавший в течение целого столетия и потерявший свою злободневность лишь к концу XX века. По всей видимости, процесс стагнации в философии математики обусловлен тем, что ни одна из программ по выходу из кризиса (программа Гильберта, интуиционистская программа, завершившаяся созданием конструктивной математики, программа логицизма) не была осуществлена в той мере, чтобы быть принятой абсолютным большинством.

Однако рост математического знания настоятельно требует философского осмысления и анализа. Р. Херш (Hersh R. A fresh winds in the philosophy of mathematics // Amer. Math. Monthly. - 1995. - Aug.-Sept. - P.